

Вера Кобец

Pallida turba*

Сначала было и не заметно, что сыпется. На полу, правда, откуда-то появлялась мука. Потом кто-то сказал, что это, наверное, порошок. «Как, зубной? – удивилась Альбина. – Но ведь у нас только паста». Пол подметали. Мусора было много. «Ничего не поделаешь, будни», – говорила задумчиво мама.

Но в какой-то момент с потолка стала сыпаться тонкая струйка. Все были дома – подняли головы и посмотрели. «Сыпется», – проговорил отец с раздражением. «Придется, наверное, делать ремонт», – откликнулась бабушка. Все на нее посмотрели и сразу же отвернулись. «Я видела в комиссионке чудесный дубовый буфет, – сказала Альбина. – Он в эту комнату встанет легко. Вот сюда», – и она указала рукой на то место, где высилась белая горка известки. «Чтобы поставить на это место буфет, придется подвинуть кресло и тумбочку», – сказал отец недовольно. «Твой дедушка признавал только дубовую мебель», – ответила мать, и глаза ее заблестели. «Мой дедушка?» – от удивления отец положил ложечку мимо блюда. «Я говорила Альбине, – сказала мать, задумчиво улыбаясь. – Или не так. Я просто вспомнила детство, те времена, когда мы жили еще в старом доме». «Это было давно, – ответил отец, – с тех пор новый дом тоже стал старым». «Ну, я не знаю, что было давно, – возразила с достоинством бабушка, – мне кажется, будто бы в старом доме мы жили вчера. И все было совсем как сейчас. Хотя нет, этой вот тумбочки не было. Да и Альбиночки не было», – бабушка рассмеялась лукаво. «Папы не было тоже», – сказала Альбина. Бабушка перестала смеяться и чуть пожала пле-

---

* Pallida turba – зд. Бледные тени.

чами. «Дедушка был», – сказала она. «Ну, так как, купим дубовый буфет?» – спросила Альбина. «Нет, – ответила мать, – он будет чужим в этой комнате». «В старом доме в столовой стоял дубовый буфет», – сказала без интонации бабушка. «Господи, мы же не в старом, мы в бывшем новом», – ответила мать. «Ну, так и что? Почему мы не можем купить старинную вещь?» – спросила Альбина. «Потому что пора уже спать», – усмехнулся отец и сложил аккуратно газету.

И все разошлись. Тишина опустилась на дом. Только ветер свистел за окном, и били, упрямо и глухо, часы, да еще едва слышно сыпалось с потолка. Порошок, тонкий, белый, ровно ложился на все: на стол, на кресло, на граммофонную тумбочку, на пол...

«А ведь красиво, – сказала мать утром, – кажется, будто снег выпал. Помните этот чудесный спектакль миланского «Пикколо»? Снег в Венеции...» – «Все это было немного претенциозно, – откликнулась бабушка, – снег выглядел вызывающе бутафорским, но все-таки выдумка впечатляла». – «Что ж, превосходно, – сказала Альбина, – мы будем вдыхать запах известки и думать, что мы на сцене или в Венеции. Каждый выберет то, что ему больше нравится». – «Лично мне нравится чувствовать себя дома», – ответил отец. И дамы молча переглянулись. «Ну, с этим, я думаю, вряд ли кто-то поспорит», – сказали они затем в один голос.

Время шло. Слой известки делался постепенно все толще и толще. «Не удивляйтесь, – предупреждали гостей, – у нас немножко сыпется с потолка. В старом доме такого, конечно же, не было. Но что поделаешь, все меняется». Кое-кто принимал сказанное дословно и начинал соболезнавать. Это вносило какую-то неприятную дребезжащую ноту. Но, к счастью, непонимание было не частым. Обычно пришедшие говорили: «Но это красиво! У вас всегда все необычно. А белый налет придает этой комнате новое очарование». Бывали конфузы. Какой-то москвич, архитектор, знакомый Павла Петровича, – было понятно, что он приведен не так просто, а на известку, – сказал, обведя комнату взглядом: «И в самом деле, на это стоило посмотреть. Знаете, что вспоминается? Сад в цвету». – «Вишневый?» – спросила Альбина и глянула с вызовом. «Да нет, – сказал архитектор, не принимая поддачи. – Сад, просто сад. А впрочем, строительная площад-

ка тоже». Мама нахмурилась, папа приподнял брови и начал демонстративно шуршать газетой, но бабушка быстро расставила все по местам, заговорив с архитектором о его детстве, а потом, позже, полностью успокоив Павла Петровича, который, конечно, был виноват, но все же заслуживал снисхождения, так как каялся сильно и обещал никогда больше не водить чужаков. «Разве все могут это прочувствовать!» – сказал он, подняв очи горе и сильно рискуя засыпать их мелом. На что бабушка потрепала его по руке и одобрительно улыбнулась.

Ну, а потом потолок стал протекать. Между столом и креслом поставили тазик. В первые дни опорожнять его приходилось три раза в сутки – не больше. Потом появилось еще несколько тазиков. И воду из них выливали раз в тридцать минут – ровно с боем часов. Бабушка говорила: «Эти часы мой папа когда-то привез из Швейцарии. Кто мог подумать, что через семьдесят лет у них появится новая функция?!». Она смеялась. В последнее время у нее было отличное настроение. «Слышите? Это капель, – поясняла она. – У всех декабрь, а у нас уже март». – «И удивительно то, – подхватывал папа, – что у нас пахнет весной. Как химик я не могу найти этому объяснения, но как человек, не спорящий с фактами, я признаю: это так». Отец больше не прятался за газету, он принимал во всем очень живое участие и все показывал свой проект водоотводной системы. Кое-какие детали были еще не продуманы, но замысел в целом был очень ясным и, главное, осуществимым. Слушая папу, гости старательно улыбались, но было видно, что улыбаться им трудно. Кроме того, в комнатах сделалось холодно. «Ну, неужели замерзли?» – весело удивлялся отец. «Я вижу, что вы и вправду озябли, Танюша, – вторила мама. – Возьмите плед. По вечерам мы теперь все сидим, закутавшись в пледы. И это очень забавно. Когда-то у нас был альбом, а в нем – открытка: две обезьяны. Они сидят в пледах у моря, дрожат и глядят на закат. Пойдите, я, кажется, вспоминаю, где этот альбом... Как, вы уходите?»

Гости бывали все реже и реже, а приходя, торопились уйти, хотя часы, которые бабушкин папа привез из Швейцарии, напоминали: «Дин-дон – сядьте за стол – примитесь-за-разговор». Но гости не слушались, они торопливо придумывали предлог и, бормоча что-то невразумительное, сочились к выходу. «Уж не про-

течки ли наши вас испугали?» – шутил, стоя в сторонке, отец. «Миша!» – негодовала наигранно мама. «Ну, вряд ли они так пугливы», – роняла бабушка благодушно. Альбина раздавала гостям щетки, чтобы они почистились, перед тем как выйти на улицу. Многие делали это как-то неловко. Бабушка иронично смеялась: «Не так, не так, Павел Петрович! Вы у нас свой человек. Я удивляюсь, как вы до сих пор не привыкли!». Павел Петрович оправдывался как мог, потом целовал ручки дамам и торопливо ретировался. Однажды он позвонил и сообщил, что свалился с сильной простудой. «Боюсь, что это надолго», – прибавил он твердо. «Павлуша всегда был неприспособленным к жизни», – сказала бабушка, пожимая плечами.

Связь дома с миром держалась теперь почти исключительно по телефону. На уговоры приехать знакомые не поддавались, а ездить куда-то самим день ото дня становилось сложнее и неприятнее. Кроме воды и белой трухи с потолка падало еще что-то зелено-бурого цвета. Определить, что это такое, было решительно невозможно, поэтому странные хлопья не обсуждались и попросту игнорировались. «Как наши дела? У нас все хорошо, все по-прежнему», – радостно сообщала Татьяне Ивановне бабушка. «Да, Павел Петрович, у нас все в порядке, спасибо», – вела свою партию мама. «Как мы живем? Хорошо!» – констатировал папа уверенно. И только Альбина срывалась: «Почему хорошо – это значит по-прежнему? Кто сказал, что ничто не должно изменяться? Почему мы не можем купить старинный буфет, от которого комната станет красивее?». Бабушка пожимала плечами и улыбалась, вздыхая. «Возраст, – говорил папа, – возраст». А мама сухо добавляла: «Никто не против. Если нам нужен буфет, давайте его купим». «Дин-дон», – говорили часы, и все снова шло ровно по кругу.

Папа заканчивал разработку системы водоотвода. Работы еще предстояло немало, но это не обескураживало: к тазам все привыкли. Хуже, пожалуй, было другое: зеленые хлопья не оседали, летали по воздуху, и было трудно дышать. «Вы знаете, мы сейчас все ходим в масках... да, снег в Венеции и карнавал. Танюша, как мило, что вы позвонили, может быть, вы зайдете?.. Ну, хорошо-хорошо, я знаю, что вас и так рвут на части. Да-да, привет Шурику и до свидания». Трубка неторопливо укладывалась на рычаг.

«Разумно распределить свое время она никогда не умела, – бабушка деловито и весело поправляла сползшую маску. – Итак, чем мы сейчас займемся, друзья?»

Теперь все были дома с утра и до вечера. Папа покинул лабораторию и перешел в отдел информации. Новый начальник был либерален и не настаивал, чтобы он приходил в институт. «Думаю, запах весны, который я источаю, этому чудаку показался излишне уж терпким», – говорил папа, и все смеялись. Мама работала дома над переводами. Альбина вот уже третий месяц была в академке: с ее воспалением легким справиться не удавалось. «Чушь, – говорила уверенно бабушка, – легкие в нашей семье у всех, слава Богу, отличные. Впрочем, академический отпуск – это неплохо. Дома она серьезнее занимается». «Так значит, у вас все в порядке?» – осведомлялась Татьяна Ивановна. «Да, к счастью, да», – отвечала ей бабушка.

А потом крыша рухнула. В одночасье. И ничего не осталось.

«Вы слышали? – спрашивал Павел Петрович Татьяну Ивановну. – Непостижимо, не верится до сих пор!» – «Не говорите, – Татьяна Ивановна вся розовела. – Мне просто дурно – давление подскочило. Шурик расстроен донельзя. Он редко бывал там, но он ценил этот дом». «И главное, так неожиданно», – разводил Павел Петрович руками. «Вы правы, это страшнее всего», – кивала Татьяна Ивановна.

Санкт-Петербург

